

АННА
БЕРСЕНЕВА



КНИГИ АННЫ БЕРСЕНЕВОЙ – ИСТОРИИ СИЛЬНЫХ ЧУВСТВ:



СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный



СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ» Слабости сильной женщины

Ревнивая печаль



СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова



«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни



«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«ТРИ ДОЧЕРИ»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена



Странная Лиза
Портрет второй жены



Стильная жизнь
Полет над разлукой

Гадание при свечах

Флиртаника всерьез

Все страсти мегаполиса

Женщина из шелкового мира

Рената Флори

Глашенька

Вангелия

«ЖЕНЩИНЫ ДА ВИНЧИ»

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

АННА БЕРСЕНЕВА



ФРАНЦУЗСКАЯ
ЖЕНА

роман



Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Французская жена : роман / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Супер-бестселлер Анны Берсеновой).

ISBN 978-5-699-82950-7

Сердце и разум — антагонисты в судьбе человеческой. Во всяком случае, в женской судьбе. Так принято думать, и так думают все, с кем жизнь сводит Марию Луговскую, в которой течет французская и русская кровь. Москва и Париж, уральская деревня и Французская Ривьера — все это слилось в ее жизни причудливым образом. Жизнь жестоко убеждает Марию, что сердцем не проживешь: ее русская любовь заканчивается крахом и разочарованием. Может быть, ей передал «ген страдания» отец, доктор Луговской, которого судьба оторвала от его русской семьи, забросив во Францию? А может быть, наоборот: мама-француженка наделила ее тем загадочным качеством, которое называется разумное сердце? Но принесет ли ей счастье такое странное сочетание?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т. А., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-82950-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

«Дальше ехать некуда. Хотя почему? Здесь все-таки квартира, кровать. А можно было не в кровати с незнакомым мужиком проснуться, а под забором где-нибудь. Так что ехать есть куда».

Сосед по кровати спал отвернувшись. Опершись локтем о подушку, Нинка перегнулась через его плечо и заглянула ему в лицо. Лицо было совершенно незнакомое.

«Интересно, что мы с ним делали, прежде чем задряхнуть?» — подумала Нинка.

Этого она тоже не помнила. Вообще ничего она не помнила! Даже как оказалась в квартире, не то что в кровати.

Кровать была какая-то допотопная — высокая, железная, с потускневшими «шишечками» на спинке. Нинка слезла с нее и, стараясь не шлепать босыми ногами по полу, направилась к двери. Удерживать направление было нелегко: ее шатало и сносило в сторону, как палый лист на асфальте. Вдобавок пол был холодный, и вообще было холодно — не топили в этом жилище, что ли? Но при таком вот пронизывающем холоде лицо у нее горело, как в тифозном жару.

«При чем здесь это? — сердито подумала Нинка. — Можно подумать, я хоть одного тифозного видела!»

Такое странное сравнение пришло ей в голову, наверное, потому, что последняя лекция, которую она посетила на истфаке, была посвящена истории Гражданской войны. Или не потому — что может быть причудливее похмельных ассоциаций? Разве что наркотические, но наркотиков Нинка не пробовала: видимо, все-таки сказывался внушенный родителями ужас перед ними.

В тесный холл выходило несколько дверей. Одна из них вела в ванную. Нинка прошлепала туда и, до отказа открутив кран, зажмурившись, сунула голову под струю холодной воды. При этом она жадно глотала воду, стекающую с ее носа и волос.

Это был верный путь к простуде.

«Ну и пусть, — мрачно подумала она. — Ну и наплевать».

Простуда, видимо, ожидала Нинку в недалеком будущем, но сейчас, в мрачном настоящем, она почувствовала себя гораздо лучше. По крайней мере, жажда была утолена, шатать перестало, и жар приугас. Щеки, правда, горели по-прежнему, но теперь уже не от похмелья, а от холодной свежести, и это было бы даже приятно, если бы хоть что-нибудь могло быть ей сейчас приятно.

Вытирать голову Нинка не стала: в том относительно ясном состоянии ума, которого она от себя так решительно добилась, пользоваться чужим полотенцем ей было уже противно. Она провела ладонями по волосам, сгоняя с них воду, как с крыши после дождя, благо стрижка у нее была короткая, и вышла из ванной.

За одной из дверей, ведущих в комнаты, был слышен богатырский храп. За другой — возня и хихиканье. Дверь в кухню была открыта. Нинка вошла в нее и огляделась.

Собственно, оглядывать здесь было нечего. Обычная кухня в обычной «хрущобе»: тесно, убого, безрадостно. Мебель не менялась с советских времен, на посудной полке в ряд были выстроены красные в белый горох банки для сыпучих продуктов, а на старой газовой плите стоял советский же закопченный чайник со свистком.

«Вот где историю изучать, — подумала Нинка. — И универа не надо».

Она зажгла огонь под чайником и забралась с ногами на обитый дерматином угловой диван, точнее сундук, дожидаясь, пока вскипит вода. Ступни были ледяные, плечи и руки тоже, вообще, вся она замерзла — на Нинке была только длинная, до колен, майка неизвестного происхождения.

Нинка даже поежилась от безразличия. Она немедленно скинула бы с себя эту сомнительную одежду, но ничего другого, ничего своего в обозримом пространстве не наблюдалось. Откуда взялась эта непомерная майка, плечи которой болтаются на локтях, почему оказалась на ней?.. Оставалось только догадываться, но даже и догадываться об этом не хотелось.

Собственное положение представлялось ей настолько безрадостным, что не хотелось вообще ничего.

Нинка сняла с плиты засвистевший чайник и залила кипятком чайный пакетик, обнаруженный в одной из красных банок. Чай вонял веником и карамелью, пить его было неприятно, но от горячего, по крайней мере, перестала бить дрожь.

Она сидела на жестком дерматиновом сундуке, пила вонючий кипяток и смотрела перед собой пустым взглядом.

— А я думаю, куда ты подевалась.

Нинка вздрогнула от неожиданности, но не испугалась, конечно. Она вообще была не из пугливых, а тем более сейчас-то — чего бояться? Раз уж ночь провела в постели с одним из здешних обитателей, то все, что он теперь предпримет, волновать ее явно не должно.

— Тебя очень беспокоило мое отсутствие? — хмыкнула она.

— Конечно. Одежда-то на тебе моя.

Парень, предъявляющий права на майку, был, кажется, тот самый, которого Нинка пыталась опознать еще сонного. Но это не удалось ей и сейчас, когда он пробудился. Хоть убей, не могла она понять, кто он такой и видела ли она его хотя бы раз до сегодняшнего утра.

Майка, похоже, была действительно его: он был высокий, так что плечи его одежды вполне могли висеть у Нинки на локтях.

В доказательство того, что майка его, он похлопал себя по голой груди. Кстати, никакой он был не парень, а взрослый мужик — лет тридцати, а то и старше. В его фигуре не было ни юношеской тонкости, ни юношеской же угловатости и нескладности, а была грубая заматерелость. Мужик, да.

— Прямо сейчас снимать? — поинтересовалась Нинка. — Учти, я под ней голая, так что зрелище будет неприятным.

— Почему? — удивился он. — Голая женщина всегда приятна.

— Я — нет.

Он окинул Нинку быстрым оценивающим взглядом и кивнул:

— Ладно, тогда можешь не снимать.

«Хамло! — обиженно подумала Нинка. — А ты кого ожидала увидеть? Рыцаря плаща и шпаги?»

Ни плаща, ни шпаги у ее соседа по койке не наблюдалось. Хорошо, хоть джинсы натянул, мог бы и этим не утрудиться. И вообще, мужчина с некрасивым умным лицом был совсем не в ее вкусе. Мужчин Нинка с детства только умных и видела, поэтому во взрослом состоянии ей было важнее, чтобы они были красивыми. А этот красотой явно не отличался. Хотя не все ли равно? Не замуж же ей за него идти.

Пока Нинка крутила у себя в голове все эти глупости, он подошел к столу и самым наглым образом отхлебнул чай из ее чашки.

— Что это ты пьешь? — поморщился он при этом. — Освежитель из унитаза?

— Ты видел в здешнем унитазе освежитель?

— Ну так, может, ты его вынула и заварила.

— Слушай, а не пошел бы ты? — наконец рассердилась Нинка. — Если мы с тобой переспали, это еще не повод для знакомства.

— Кстати, о знакомстве. Феликс, — представился он.

Сердиться на него было так же бесполезно, как пытаться рассердить его; это Нинка сразу поняла. Она вообще была сообразительная, даже сейчас, когда голова у нее раскалывалась.

— Нина, — вздохнув, представилась она. — Хотя зачем нам знать, как друг друга зовут, не понимаю.

— Незачем, — согласился он. — Ладно, давай чего-нибудь поедим, а потом сообразим, куда тебя отсюда эвакуировать и как.

— Что значит — как? — насторожилась Нинка.

— Как — значит в чем, — объяснил Феликс. — Тебя вчера сюда доставили в чем мать родила. Правда, была на тебе косуха, но байкер, который тебя в квартиру занес, тут же ее с тебя снял и в ней отбыл.

Картина вчерашнего вечера стала потихоньку проясняться в ее сознании. Ничего хорошего такая ясность ей, впрочем, не принесла.

— Это его косуха была, — мрачно сказала Нинка. — Потому он в ней и уехал. Тоже о своей одежде позаботился. Как ты, — усмехнулась она.

— Насчет моей одежды можешь не переживать. Дарю, — усмехнулся в ответ Феликс.

Рассказывая Нинке подробности ее появления в этой квартире, он успел разогреть сковородку, которую извлек из ящика под плитой, вылил на нее подсолнечное масло, обнаруженное в шкафу, и теперь разбивал на сковородку яйца. Делал он это умело и без вдохновения. Это вызывало даже некоторое уважение: Нинка терпеть не могла мужиков, которые вдохновляются кухонными делами. Впрочем, Вольф тоже ничем таким не вдохновлялся и был мужиком до мозга костей, а вот ведь как вышло...

Феликс накрыл сковородку крышкой и уселся на табуретку перед Нинкой.

— Ты откуда? — спросил он. — Московская?

Нинка кивнула.

— Хорошо, — заметил он.

— Что хорошего?

— Домой доставить проще.

— Тебе меня домой доставлять не придется, не волнуйся, — зло хмыкнула Нинка.

— Как знаешь.

Он снял сковородку с плиты и разложил ее содержимое поровну на две тарелки.

— А если остальные твои гости проснутся? — спросила Нинка. — Всех по очереди будешь обслуживать?

От досады на себя она специально подбирала слова, которые должны были быть для него обид-

ными, и бросала их зло и резко, как камни. Но он, похоже, руководствовался в жизни принципом «на обиженных воду возят», а потому не обратил ни на слова ее, ни на тон ни малейшего внимания.

— Всех не буду, — ответил он. — Тем более я здесь сам в гостях.

— Да? — удивилась Нинка. — А с хозяйством справляешься, как хозяин.

— Что ты называешь хозяйством? — усмехнулся он. — Ешь давай.

Аппетита у Нинки не было никакого, но она принимала, что поесть надо. Может, от этого прекратится и озноб, и тошнота, и даже головная боль.

Она жевала яичницу, которая казалась ей безвкусной, и думала, как бы осторожно выяснить, есть кто-нибудь дома или нет. Не хотелось бы сразу встретиться с родными и близкими, явившись домой босиком и в чужой майке, надетой на голое тело. И к тому же хотелось порыдать, а это, безусловно, лучше было проделать в одиночестве.

— Ты на диете? — поинтересовался Феликс.

— Почему? — не поняла Нинка.

— Без соли ешь.

— А!.. Да нет, задумалась просто.

— О чем?

— А тебе не все равно? — буркнула она. Но все же объяснила нехотя: — Как домой попасть, вот о чем. Чтобы незаметно.

— Боишься, мама с папой поругают? — усмехнулся он.

— Боюсь, мама раньше времени родит, если меня такую увидит, — сердито бросила Нинка.

— Она у тебя беременная, что ли?

— Ага. На старости лет такой вот финт. Не слабо, да?

— Старость лет — это сколько?

— Сорок два.

— Тоже мне, старость. В таком возрасте, бывает, только первого заводят.

— Никого в таком возрасте не заводят. Тем более от мужика, которого полгода знают.

— А ты байкера того, который тебя сюда в косухе занес, давно знаешь?

— Не твое дело, понял? — рассердилась Нинка. — Забирай свою майку и...

Она начала было стаскивать с себя майку, но вовремя опомнилась. Феликс издевательски расхохотался. Похоже, он относился к Нинке, как к круглой дуре.

«Ну и правильно», — с досадой подумала она.

Как еще он должен относиться к девке, которая спяну переспала с первым встречным, то есть с ним?

— Сказал же, майку дарю, — напомнил Феликс.

«Дешево отделался, — с еще большей досадой подумала Нинка. — Проститутка дороже обошлась бы».

— Телефон здесь хотя бы есть? — вздохнула она.

— Должен быть. Это ж хоть и Бирюлево-Товарная, но все-таки Москва. А зачем тебе?

— Такси вызвать. У меня же ни мобильного, ничего.

И только сказав это, Нинка поняла: «ничего» означает, что у нее нет денег. Не на такси нет, а вообще. У нее больше нет тех денег, на которые она должна была купить билет до Парижа и полгода жить во Франции...

Поняв это, Нинка похолодела. Это был удар сильнее, чем проснуться в чужой постели с незнакомым мужиком!

— Ой... — в ужасе пробормотала она. — Как же теперь?..

— Что? — догадался Феликс. — Денег на такси нет?

От потрясения у Нинки мгновенно прошла не только головная боль, но даже досада на себя и на весь мир.

— Не на такси!

Слезы брызнули у нее из глаз мгновенно, она не успела хотя бы отвернуться. Кажется, они попали Феликсу прямо в лицо. Он провел ладонью по своей потемневшей от щетины щеке и посмотрел себе на руку так, будто ожидал увидеть на ней какие-нибудь огненные борозды, что ли.

— Не на такси! — повторила Нинка. — Вообще денег нет! Я... Я их... Я их отдала-а...

И тут она разрыдалась наконец в голос, не сдерживаясь и не таясь — так, как собиралась разрыдаться только дома в одиночестве.

Впрочем, и здесь было все равно что в одиночестве — никто ей рыдать не мешал. Феликс молча сидел на табуретке, напротив через стол. Когда Нинка на секунду подняла глаза, то увидела, что он смотрит в окно и его взгляд при этом совершенно бесстрастен.

Ей стало противно. Ревет при чужом равнодушном человеке... Совсем уже! Она последний раз всхлипнула и вытерла слезы.

— Кому отдала? — спросил Феликс.

По его тону и виду было понятно, что он просто переживал, когда Нинка отпрыгается и станет способна внятно отвечать на вопросы.

— Вольфу, — понуро ответила она. — Ну, байкеру тому. — И совсем уж по-дурацки объяснила: — Я его люблю... любила.

— И поэтому ему деньги надо было отдавать? Он что, альфонс?

— Нет, ты что! — воскликнула Нинка. — Просто... Ну, он меня бросил. То есть, в смысле, мы решили расстаться, — поспешно поправились она. — А я знала, что ему нужен новый байк, потому что он старый разбил. И когда мы с ним за расставание выпивали... В общем, у меня стало такое настроение, что хотелось сделать чем хуже. Себе — чем хуже. И... В общем, я ему деньги отдала. Все, которые у меня на Францию были. Назло себе. Ну, ты этого все равно не понимаешь.

Она махнула рукой и уткнулась носом в колени, на которые был натянут подол майки.

— Почему же не понимаю? — усмехнулся Феликс.

— Потому что этого ни один нормальный человек не поймет.

— А себя ты, конечно, считаешь не нормальной, а исключительной. И очень этим гордишься.

Нинка хотела было возразить, что ни капельки она не гордится... И вдруг поняла, что он сказал правду. Она не то чтобы гордилась, конечно, а... Ну да, гордилась! Всю жизнь гордилась тем, что способна на лихие поступки.

— Байкер твой не дурак, однако, — заметил Феликс. — Ловко использовал.

— Что использовал? — не поняла Нинка.

— Да дурость твою детсадовскую. Хотя, с другой стороны, кто бы не использовал? Домашняя девочка захотела в Достоевского поиграть, пачку денег швырнуть в камин. Ну так и пусть убедится, что деньги в камине имеют обыкновение сгорать. Убедилась?

— Да... — выдавила из себя Нинка.

— И много денег было?

— На билет до Парижа. И на полгода во Франции.

— А что ты собиралась делать во Франции?

— Жить. Учиться.

— Чему?

Это было немножко странно, что он вот так вот спросил — чему? Как будто во Франции обычно учатся какому-нибудь ремеслу: класть печи или тащить сапоги.

— Просто учиться. Язык изучать в Сорбонне, — ответила Нинка. — Меня уже зачислили. По гранту.

— Понятно. Слушай, а ты не хочешь взять во Францию меня?

Нинка так удивилась, что даже перестала судорожно натягивать майку на голые колени.

— Тебя?! — Правда, она тут же взяла себя в руки и насмешливо поинтересовалась: — А за каким членом ты мне там сдался?

— Не волнуйся, ты меня там не увидишь. Вывези только.

— Что значит вывези? В качестве чемодана?

— В качестве мужа.

Он смотрел теперь не в окно, а прямо на Нинку. Лицо его совершенно изменилось. Теперь уже невозможно было сказать, что оно некрасивое. Правда, и красивым его назвать было нельзя. Оно просто вышло за пределы таких категорий — эти понятия перестали к нему относиться. Глаза у него сделались какие-то... Как у индейца, вот какие. Жгучие и жесткие. Они темно поблескивали, их взгляд пронизывал до печени.

Сходство с индейцем на тропе войны усиливалось от того, что Феликс был до пояса голый и узкие тяжелые мускулы играли на его плечах.

Нинка даже головой тряхнула, чтобы избавиться от его взгляда.

— Ты что?.. — пробормотала она почти испуганно. — Как это — мужа?..

— Просто. — Увернуться от его взгляда ей не уда-